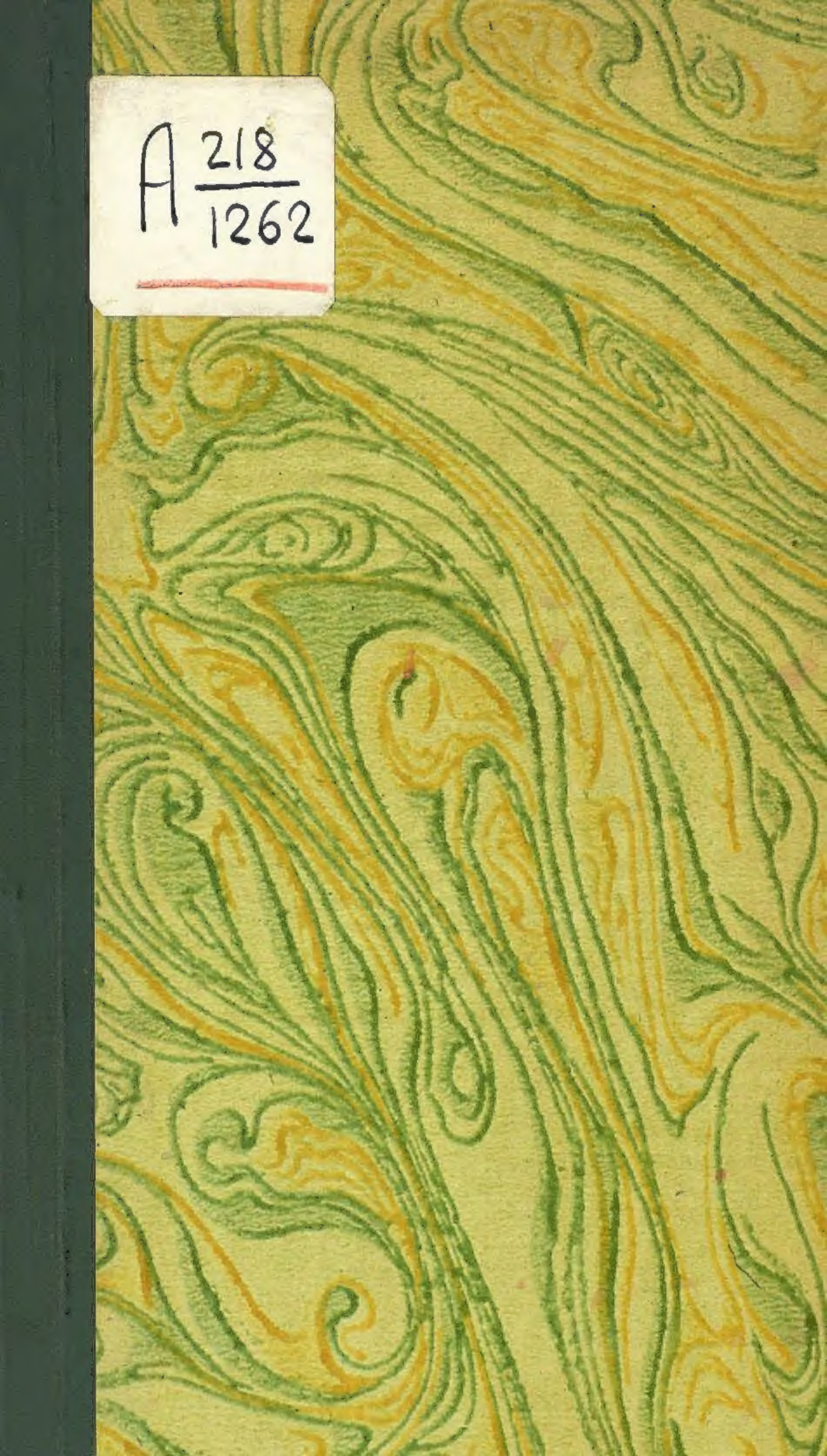

A 218/1262

ХРИСТІАНСТВО, ЦЕРКОВЬ

и

ПРАВОСЛАВІЕ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІИ.

Свящ. I. Петропавловскаго.

МОСКВА.

1894.

(Отдѣльный оттискъ изъ №№ 6 и 7 **Душеполезнаго Чтенія** 1894 г.)

ХРИСТІАНСТВО, ЦЕРКОВЬ

и

ПРАВОСЛАВІЕ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІИ.

Свящ. І. Петропавловскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Мая 29 дня 1894 года.

Цензоръ *Священникъ Григорій Дьяченко.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ХРИСТІАНСТВО, ЦЕРКОВЬ И ПРАВОСЛАВІЕ
ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІИ.

Одинъ изъ извѣстныхъ представителей христіанской апологетики на Западѣ, Лютардтъ, раскрывая значеніе религіи для жизни человѣческой во всѣхъ высшихъ сферахъ ея проявленій, говоритъ: «религія есть материнское лоно, изъ котораго вышла вся духовная жизнь человѣчества; вся высшая культура человѣческаго рода есть дочь религіи». И, намъ думается, противъ непререкаемой истины этихъ словъ едва ли кто рѣшится возражать. Даже Прудонъ *), человѣкъ далеко не нѣжнаго чувства и глубокой почтительности по отношенію къ религіи, вынужденъ былъ сказать: «удивительно, какъ скоро мы уходимъ въ глубину древности въ исторіи народовъ, мы наталкиваемся на религію». Очевидно, этими словами онъ невольно признаетъ, что религія—краеугольный камень, на которомъ зиждется вся исторія народовъ. Дѣйствительно, религіей опредѣляется все историческое развитіе народовъ: въ ней, какъ въ сѣмени, скрываются всѣ зачатки ихъ роста, ихъ вѣковой жизненности и дѣятельности, предназначенной имъ Провидѣніемъ во всемірной исторіи человѣчества. Отсюда изучить, какъ должно, религію извѣстнаго народа, ознакомиться съ ея существеннымъ содержаніемъ, съ ея основными идеями и требованіями, значитъ сразу составить себѣ цѣльное, ясное и правильное понятіе о всей исторической жизни этого на-

*) Франц. соціалистъ.

рода, объ общемъ направленіи его умственнаго и нравственнаго развитія, естественномъ, необходимомъ и неизбѣжномъ происхожденіи изъ одного кореннаго источника всѣхъ главнѣйшихъ формъ историческаго состоянія этого народа—семейной, экономической и государственной. При такомъ всеопредѣляющемъ значеніи религіи для жизни каждаго народа, нужно ли говорить, что все достоинство того или иного народа среди другихъ, его значеніе въ общечековѣческомъ движеніи по пути прогресса, его мѣсто во всемірной исторіи культуры человѣчества, всецѣло зависитъ отъ той религіи, которую онъ исповѣдуетъ, отъ ея внутренняго содержанія, отъ богатства и цѣнности ея идей—догматическихъ или метафизическихъ и этическихъ, входящихъ въ кругъ ея системы? Если это справедливо, то мы, не вдаваясь въ разсмотрѣніе содержанія какихъ-либо религій, считаемъ себя въ правѣ высказать слѣдующее общее положеніе: въ религіяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ собственному разуму человѣческому,—будетъ ли то разумъ личный, индивидуальный, или коллективный,—каковы религіи язычества, по самому существу ихъ, какъ въ произведеніяхъ ограниченнаго духа, заключаются и задатки или начала всего вообще развитія народовъ также ограниченные; напротивъ, въ религіи непосредственнаго откровенія отъ самого Бога, сверхъестественнаго происхожденія, и особенно въ послѣдней, заключительной формѣ божественнаго откровенія, каково Христіанство, находятся неисчерпаемые источники безостановочнаго, неограниченнаго развитія духовныхъ силъ народа, если онъ только твердо стоитъ въ своей жизни на началахъ христіанства.

Но понятно, что такою чудно-могучею, неистощимою благо-и плодо-творною силой воздѣйствія на духъ народовъ христіанство обладаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда оно напаяетъ сердца и умы людей чистыми струями своего божественнаго источника, не смѣшанными съ вымыслами слабаго и заблуждающагося человѣческаго разума, когда его глаголы живота вѣчнаго сохраняются въ вѣрѣ и исповѣда-

нiи народовъ въ томъ первоначальномъ видѣ, въ которомъ они открыты мiру самимъ *Начальникомъ* нашей вѣры и распространены въ мiрѣ просвѣщенными и руководимыми Духомъ Божiимъ Его апостолами. Въ этомъ именно признанiи безусловной важности Христiанства для жизни народовъ *исключительно въ его подлинно-богооткровенномъ, неповрежденномъ видѣ* и скрывается, по нашему мнѣнiю, настоящiй и глубочайшiй смыслъ празднества, установленнаго нашей Церковiю подъ именемъ «Торжества Православiя» въ память побѣды православiя надъ разными заблужденiями ложной человѣческой мудрости, отъ времени до времени старавшимися вторгнуться въ нѣдра Церкви подъ видомъ истиннаго ученiя Господа и Его апостоловъ и осужденными на вселенскихъ соборахъ, какъ ложь, какъ ереси. Установленiемъ такого празднества православная Церковь даетъ ясно разумѣть своимъ чадамъ, что не всякое ученiе, самовольно выдающее себя за ученiе богооткровеннаго Христiанства есть дѣйствительно таково, а лишь то несомнѣнно-истинное Христiанство, то-есть открытое Христомъ и насажденное въ мiрѣ Его апостолами, которое сохраняется и проповѣдуется Церковiю, или цѣлымъ богоустановленнымъ обществомъ вѣрующихъ во Христа; и далѣе — не всякое общество христiанъ, провозглашающее себя церковiю, есть безспорно и истинно христiанская Церковь, а лишь то, которое, ведя свое установленiе отъ самого Христа и апостоловъ, въ совершенно чистомъ,не искаженномъ видѣ сохраняетъ ученiе Господа и Его апостоловъ, безусловно-правильно вѣруетъ и исповѣдуетъ христiанскую вѣру, и такимъ образомъ со всею справедливостью можетъ усвоить себѣ наименованiе Церкви правовѣрующей или православной.

Къ сожалѣнiю, какъ это ни для кого не тайна, въ настоящее время среди насъ встрѣчаются очень многiе, не отрекающiеся прямо и формально отъ имени православныхъ христiанъ, однако съ гордымъ презрѣнiемъ относящiеся къ ученiю православной Церкви, не обращающiе никакого вниманiя на ея материнскiй увѣщательный голосъ. Они ду-

маютъ и стараются всячески уловить въ сѣти своего ученія и другихъ, младенствующихъ разумомъ, что не только можно быть истиннымъ христіаниномъ, не принадлежа къ Церкви Христовой, но непремѣнно и должно отречься отъ всякаго подчиненія авторитету Церкви, отъ всякой зависимости отъ нея, чтобы быть истинно-вѣрующимъ во Христа. Освобождая себя и другихъ отъ повиновенія Церкви, они тѣмъ съ большею ревностью проповѣдуютъ о безусловномъ подчиненіи Христу и Его непосредственному ученію, якобы искаженному церковнымъ ученіемъ или отодвинутому на задній планъ «собственнымъ измышленіемъ» (?) церкви. Отсюда, съ ихъ точки зрѣнія, возможность истинной вѣры во Христа открывается лишь тѣмъ, кто самъ лично, свободно и самостоятельно черпаетъ ученіе христіанской вѣры изъ Новаго Завѣта и понимаетъ и воспринимаетъ его въ свое сердце и проводитъ въ своей жизни такъ, какъ объясняетъ ему это ученіе его собственный разумъ. Другіе, не возставая рѣшительно, съ непримиримой враждой, противъ принадлежности къ Церкви каждаго изъ насъ, относятся индифферентно къ вопросу объ отличительныхъ особенностяхъ и сравнительно достоинствѣ разныхъ христіанскихъ обществъ, болѣе или менѣе разногласящихъ между собой и однако съ одинаковыми претензіями на quasi-законное основаніе именующихъ себя церквами. Люди этой категоріи полагаютъ, что для душевнаго спасенія человѣка не имѣетъ существеннаго значенія, къ какой бы изъ христіанскихъ церквей онъ ни принадлежалъ; такъ какъ, съ одной стороны, всѣ онѣ, будто бы, въ главныхъ и основныхъ положеніяхъ своего ученія согласны между собой и различаются только во второстепенныхъ чертахъ своихъ исповѣданій, а съ другой—ни одна изъ нихъ яко бы не сохраняетъ въ себѣ безусловно-истиннаго христіанства, въ его всецѣлой первоначальной чистотѣ и совершенствѣ, а всѣ владѣютъ только относительной истиной христіанской вѣры и притомъ такъ, что одна изъ нихъ раскрываетъ христіанскую вѣру преимущественно съ

одной стороны, другая — съ другой, третья — съ третьей и т. д.

Такъ разсуждаетъ разумъ человѣческій, взимающійся на разумъ Божій, раболѣпствующій предъ стихіями міра сего, а не подчиняющійся Христу; но не такъ говоритъ истинная мудрость того же разума, опирающаяся на правильное разумѣніе ученія Господа и Его апостоловъ, на духъ и преданія вселенской Церкви Христовой, съ непрерывностью продолжающей свое существованіе отъ ея основанія до нашихъ дней.

Истинно-вѣрующій во Христа не тотъ, кто имѣетъ единственно, такъ-сказать, свою личную вѣру, не полагающую его ни въ какую органическую связь съ другими христіанами, и вѣруетъ такъ, какъ внушаетъ ему его собственный разумъ, а тотъ, кто подчиняется въ своей вѣрѣ ученію богоустановленнаго общества вѣрующихъ, то-есть Церкви, кто тѣсно, неразрывно примыкаетъ къ Церкви Христовой, этому *Тѣлу Господа*, какъ ея живой членъ; и истинно-христіанская Церковь не самочинно составленное общество христіанъ, а лишь то, которое непрерывно идетъ чрезъ всѣ вѣка, будучи основано непосредственно Христомъ и апостолами, и право исповѣдуетъ христіанскую вѣру, то-есть истинно и дѣйствительно-православное—таково ученіе всего Новаго Завѣта и всей Церкви Христовой во всѣ времена ея исторіи.

Итакъ, *истинное Христіанство имѣетъ мѣсто только въ Церкви и немыслимо внѣ ея*—таково первое положеніе, которое мы намѣрены раскрыть и обосновать.

I.

Какъ, несомнѣнно, христіанская вѣра въ своемъ существенномъ содержаніи открыта міру Богочеловѣкомъ Христомъ, такъ, также вѣрно, и Церковь христіанская основана въ мірѣ Самимъ же Господомъ. Вѣра христіанская и Церковь не только одновременны по своему происхожденію,

но и нераздѣльны по своему существу: уже въ самыхъ первыхъ рѣчахъ своей общественной проповѣди Господь указываетъ, что на началахъ своего новаго ученія Онъ пришелъ основать на землѣ новое *царство* Божіе: *пришелъ Іисусъ въ Галилею, проповѣдуя Евангеліе царствія Божія и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствіе Божіе: покайтесь и вѣруйте во Евангеліе* (Марка 1, 14, 15). И изъ всего дальнѣйшаго служенія Господа міру мы видимъ, что идея царства Божія составляетъ средоточный пунктъ всего Его ученія, Его дѣла, Его жизни; осуществленіе ея— цѣль Его призванія на землѣ. Своимъ ученіемъ, Своимъ дѣломъ Господь сводитъ царство Божіе съ неба на землю. Что же это за царство, которое Христосъ пришелъ основать, утвердить и распространить на землѣ? Заключительную форму его составляетъ, конечно, вѣчное блаженство праведниковъ въ общеніи съ Богомъ по кончинѣ этого міра—царство славы; но начальную или переходную и именно земную форму его мы не можемъ ни въ чемъ иномъ видѣть, какъ только въ *царствѣ Благодати* или *Церкви христіанской*, гдѣ дѣйствительно господствуетъ, царствуетъ благодать Божія, открывшаяся всѣмъ людямъ по совершеніи спасенія ихъ всею земною дѣятельностію нашего Господа, Христа. И изъ евангельской исторіи мы положительно усматриваемъ, что начало основанія христіанской Церкви прямо совпадаетъ съ началомъ общественной проповѣди Христа. На самыхъ первыхъ шагахъ своего служенія міру Господь не ограничивается однимъ раскрытіемъ ученія предъ тѣми или иными слушателями, а тутъ же собираетъ около себя опредѣленный, хотя и очень небольшой, кружокъ постоянныхъ спутниковъ, безотлучныхъ слушателей Его проповѣди и свидѣтелей Его чудесныхъ дѣлъ, образуетъ *малое стадо*, являясь во главѣ его пастыремъ, кладетъ первые камни въ основу зданія, предназначеннаго къ вѣчному непоколебимому существованію до окончанія этого міра. Этотъ первоначальный кружокъ послѣдователей Христа и былъ тѣмъ *зерномъ*, изъ котораго Царству Божію на землѣ пре-

допредѣлено было разростись въ величественное дерево, скрывающее въ своихъ вѣтвяхъ многочисленныхъ птицъ (Матѳ. 13, 31). Предрекая своему ученію и вообще всему дѣлу своему—Новому Завѣту между Богомъ и людьми, устанавливаемому на изліяніи пречистой крови Своей во искупленіе людей отъ ихъ грѣховъ — вѣчно незыблемое продолженіе въ мірѣ, до самого конца его, до преобразованія его въ новый, высшій міръ (Матѳ. 24, 35; Іоанна 12, 32), Господь въ то же время предуказываетъ и неразрушимость Церкви до завершенія временъ (Матѳ. 16, 18). Далѣе, Церкви, какъ именно цѣлому обществу вѣрующихъ, а не каждому изъ христіанъ порознь, Христосъ ввѣряетъ и охраненіе въ чистотѣ и неповрежденности Своего ученія; такъ какъ ей только, а не кому-либо изъ христіанъ лично, предоставляетъ право суда и наказанія надъ отдѣльными вѣрующими, какъ скоро они впадаютъ въ заблужденія и упорно коснѣютъ въ нихъ или погрязаютъ въ какихъ-либо тяжкихъ и низкихъ порокахъ (Матѳ. 18, 17). Съ Церковью также, какъ съ обществомъ вѣрующихъ, Господь обѣщаетъ пребывать лично, хотя и невидимо, даже и по вознесеніи Своемъ на небо, *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20) и ей же именно, въ смыслѣ совокупности всѣхъ христіанъ, въ видахъ продолженія и довершенія дѣла Его на землѣ, ради распространенія христіанской вѣры во всѣхъ концахъ земли и съ цѣлію выраженія главнѣйшихъ христіанскихъ истинъ въ точныхъ и опредѣленныхъ положеніяхъ—въ догматахъ—и благоустроенія всего внѣшняго состоянія Церкви по отношенію къ богослуженію и управленію въ ней, Господь даетъ обѣщаніе ниспослать отъ Отца иного Утѣшителя вмѣсто Себя, Духа Святаго, Духа истины, имѣющаго научить всему, чего апостолы при жизни Господа на землѣ не могли еще вмѣстить (Іоанна 16, 13). Наканунѣ своихъ страданій, въ первосвященнической молитвѣ своей, Господь ходатайствуетъ предъ Отцомъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы увѣровавшіе въ Него, ставшіе Его послѣдователями, всегда и неизмѣнно сохраняли

между собой единеніе въ мысли и чувствѣ, въ вѣрѣ и любви, то-есть являли собой единое и нераздѣльное общество, или Церковь: *Отче святый! Соблюди ихъ* (апостоловъ) *во имя Твое... чтобы они были едино, какъ и мы* (Іоан. **17, 11**); *не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ: да будутъ вси едино* (Іоанна 17, 20. 21). Отсюда высшимъ идеальнымъ состояніемъ христіанства, послѣднимъ предѣломъ его торжества на землѣ, Господь прямо провозглашаетъ соединеніе всѣхъ вѣрующихъ въ Него въ одно нераздѣльное общество, какъ бываетъ съ объединеніемъ овецъ въ одномъ стадѣ подъ управленіемъ одного пастыря, то-есть соединеніе всѣхъ христіанъ въ одну *всемірную Церковь* подъ главенствомъ единаго общаго Спасителя, Христа (Іоанна **10, 16**).

Послѣ Господа и апостолы, вѣрные завѣтамъ Своего божественнаго Учителя, также не иначе представляютъ себѣ истинно-вѣрующихъ, какъ неразрывно связанными между собой, составляющими одно общество, или Церковь. Церковь, по ихъ ученію, есть не просто случайно составившійся аггрегатъ (собраніе) людей вслѣдствіе общности почитанія одного и того же лица или единства вѣры и убѣжденій, воспринятыхъ въ школѣ одного и того же учителя; но и внутренно необходимое, органически зародившееся и развивающееся общество вѣрующихъ въ Христа, стоящее въ неразрывной связи съ цѣлымъ ходомъ откровенія, насажденія и распространенія на землѣ христіанской вѣры. Такую нераздѣльность связи между вѣрующими во Христа, необходимость жизни христіанъ именно въ образѣ Церкви апостолы выражаютъ съ необычайною наглядностью въ названіи Церкви *Тѣломъ* Христовымъ, а Христа—*главою* совокупности вѣрующихъ, какъ Его Тѣла (1 Кор. 12, 27. Кол. 1, 18). Если еще они именуютъ Господа *Спасителемъ тѣла*, то-есть не каждаго христіанина отдѣльно или лично, самого по себѣ, а лишь настолько, насколько каждый христіанинъ входитъ какъ живой членъ въ составъ Тѣла Христова—Церкви, то этимъ опять указываютъ на ненормаль-

ность состоянія христіанина внѣ Церкви, на несвойственность ему даже имени христіанина, какъ скоро онъ не находится въ союзѣ съ Церковью. Не менѣе выразительный образъ Церкви для уясненія безусловно-необходимой принадлежности къ ней всѣхъ христіанъ встрѣчается въ посланіяхъ апостоловъ еще въ другомъ наименованіи Церкви—*зданіемъ*, въ которомъ всѣ христіане, какъ составныя части одного и того же строенія, только прочно слагаясь между собой вѣрой, могутъ постепенно возрастать *въ святой храмъ* Господній, *устроятъся въ жилище Божіе Духомъ* (Еф. 2, 20. 21), преуспѣвать и возвышаться въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго совершенствованія. И, наконецъ, апостолъ Павелъ прямо учитъ, что именно только тѣло Христово, то-есть Церковь, всѣ христіане совокупно, а не каждый порознь, имѣетъ предназначеніемъ осуществленіе конечной цѣли всей исторической жизни христіанства въ мірѣ,—возрастаніе вѣрующихъ *въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова* (Еф. 4, 13). Отсюда понятно, что апостолы настоятельно убѣждаютъ христіанъ, умоляютъ ихъ стараться *сохранять единство духа въ союзѣ мира* (Еф. 4, 3) и отнюдь не позволять себѣ какого-нибудь раздора, несогласія, нарушенія взаимоподчиненности или взаимопомощи, подобно тому какъ въ организмѣ всѣ члены безусловно обязаны помогать другъ другу, исполняя каждый свое назначеніе на благо жизни всего тѣла: *страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены, и вы тѣло Христово, а порознь члены* (1 Кор. 12, 26. 27). Такъ, по ученію слова Божія, истинно христіанская вѣра немыслима внѣ Церкви; она находится въ Церкви, какъ своемъ вмѣстилищѣ или хранилищѣ, въ которомъ и пребываетъ и должна пребывать въ цѣлости и неповрежденности. Поэтому, совершенно справедливо св. Ириней называетъ Церковь «сокровищницей, въ которую апостолы положили все, что относится къ истинѣ; она есть дверь жизни». Какъ будто для нашего времени говоритъ Оригенъ

съ обычною ему убѣдительностью: «не должно слушать тѣхъ, кто говорятъ: вотъ здѣсь Христосъ, но указываютъ Его не въ Церкви, которая исполнена истиннаго свѣта и есть столпъ и утвержденіе истины и въ которой одной только всякое пришествіе Сына Человѣческаго, глаголющаго всѣмъ людямъ: *се Азъ съ вами есть во вся дни до скончанія вѣка*» (еп. Макарія. Введеніе въ прав. Богословіе стр. 302).

Соединеніе христіанъ въ одно общество или историческое существованіе ихъ въ видѣ Церкви, кромѣ прямого ученія объ этомъ Слова Божія, требуется также: а) самымъ назначеніемъ христіанства въ мірѣ; б) основной идеей христіанской вѣры и в) тѣми главнѣйшими условіями, при которыхъ только и возможно живое усвоеніе вѣрующими, ихъ сознаніемъ и сердцемъ, началъ христіанства и подъ воздѣйствіемъ сихъ началъ постепенное усовершенствованіе ихъ духа.

Христіанство открыто міру въ качествѣ высшаго, небеснаго свѣта, предназначеннаго распространять свои лучи далѣе и далѣе до послѣднихъ предѣловъ земли и свѣтить людямъ до конца существованія міра. Оно назначено быть *всемірнымъ*, стать достояніемъ всего рода человѣческаго, и *вѣчнымъ*, воспитывать собой родъ человѣческій до окончанія его земной исторіи. Ясно, что оно можетъ исполнить свое назначеніе только при томъ существенномъ условіи, если ввѣряется не отдѣльнымъ людямъ, не имѣющимъ между собой духовной связи, не каждому изъ христіанъ самому по себѣ, а обществу вѣрующихъ, соединенныхъ между собой обязательными требованіями неразрывности, духовнаго единенія въ вѣрѣ и убѣжденіяхъ. Отдѣльныя лица умираютъ, уступая свое мѣсто другимъ, и только общество, постоянно обновляясь въ своихъ членахъ, теряя однихъ и пріобрѣтая на ихъ мѣсто другихъ, можетъ существовать цѣлые вѣка, пребывать безсмертнымъ. Поэтому только при существованіи строго организованнаго общества можетъ сохраняться въ цѣлости и неизмѣнности и христіанская вѣра до скончанія вѣковъ, передаваясь отъ старшихъ поколѣній къ млад-

шимъ, отъ предковъ къ потомкамъ. Въ этомъ именно смыслѣ, по слову апостола, то-есть только какъ вѣчно живое общество вѣрующихъ, Церковь и можетъ быть *столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3, 15), неразрушимой носительницей и хранительницей истинно-христіанской вѣры

Не менѣе настоятельно требуется существованіе Церкви, какъ мѣста храненія христіанской вѣры, самой сущностью или основной, центральной идеей христіанства. Такой идеей, безъ сомнѣнія, должна быть признана *любовь.* Любовь подвигла Бога Отца послать Сына Своего Единороднаго въ міръ, чтобы міръ не погибъ. Любовь къ роду человѣческому руководила Сыномъ Божіимъ при Его пришествіи на землю и принесеніи Себя въ жертву за грѣхи человѣчества. На безконечной любви Бога къ людямъ и на отвѣтной любви человѣческой къ Богу основанъ весь Новый Завѣтъ. Христосъ, какъ общій предметъ любви христіанъ, является средоточнымъ пунктомъ, центромъ, въ которомъ сходятся чувства, влеченія и привязанности всѣхъ христіанъ, а чрезъ Него, слѣдовательно, и сами они соединяются или должны соединяться въ общемъ, взаимномъ чувствѣ любви. Какъ радіусы круга, сходясь въ одной общей точкѣ, неизбѣжно вступаютъ чрезъ то въ связь между собой, какъ вѣтви дерева соединяются между собой посредствомъ одного и того же ствола, такъ Христосъ необходимо и неизбѣжно соединяетъ Собой, какъ общимъ центромъ, посредствомъ любви къ Нему всѣхъ христіанъ, и ихъ самихъ общею взаимною любовію: *Я есмь лоза,* говоритъ Господь христіанамъ, *а вы вѣтви* (Іоанна 15, 5). Любовь христіанъ другъ къ другу ради любви къ Господу должна быть до такой степени сильна, неизмѣнна и неотложна, что Словомъ Божіимъ полагается въ основу всей жизни христіанина и провозглашается самымъ характеристическимъ признакомъ его вѣры во Христа: *потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собой* (Іоан. 13, 35). Все указанное значеніе любви въ христіанствѣ, очевидно, требуетъ отъ христіанъ жизненнаго проявленія этого

чувства въ опредѣленномъ, строго-организованномъ союзѣ ихъ между собой, то-есть требуетъ, чтобы они обнаруживали и осуществляли въ своей жизни начала христіанской вѣры, составляя между собой Церковь.

Наконецъ, коренныя условія духовнаго развитія или преуспѣянія человѣка подъ воздѣйствіемъ религіозныхъ началъ вообще и христіанскихъ въ частности требуютъ также соединенія христіанъ въ одно общество или въ Церковь. Послѣдователи каждой религіи вообще соединяются между собой въ одну общину, образуютъ своего рода духовный союзъ или церковь для того, чтобы при различіи духовныхъ силъ и способностей имѣли возможность оказывать взаимную помощь,—болѣе мощные поддерживали бы слабѣйшихъ какъ въ пониманіи или усвоеніи разумомъ ученія вѣры, такъ и въ осуществленіи самою жизнію ея нравственныхъ требованій. Такая же взаимопомощь только въ несравненно-высшей мѣрѣ требуется и отъ христіанъ въ цѣляхъ ихъ духовнаго усовершенствованія на началахъ ихъ богооткровенной вѣры. Здѣсь отвлеченныя или догматическія истины и нравственныя правила—сверхъестественнаго происхожденія и потому требуютъ для уясненія ихъ человѣческому сознанію не только естественной помощи со стороны болѣе духовно-зрѣлыхъ менѣе развитымъ умственно и для проведенія ихъ въ жизнь примѣра отъ высокоподнявшихся по лѣстницѣ нравственнаго совершенства стоящимъ на низшихъ ея ступеняхъ, но и благодатныхъ или сверхъестественныхъ даровъ, которые обыкновенно сообщаются людямъ въ разныхъ видахъ и въ разныхъ степеняхъ и которые поэтому самому дѣлаютъ существенно необходимою для христіанъ взаимопомощь, соединеніе ихъ въ одно общество, въ Церковь, въ цѣляхъ взаимной поддержки на пути духовнаго усовершенствованія. Въ виду разнородныхъ даровъ, посылаемыхъ Богомъ разнымъ христіанамъ (*всѣ ли апостолы? всѣ ли пророки? всѣ ли учители всѣ ли чудотворцы? всѣ ли имѣютъ даръ исцѣленій?* (1 Кор. 12, 39, 40), апостолъ и сравниваетъ христіанъ съ разными

членами организма, исполняющими въ немъ различныя обязанности и отсюда требуетъ отъ христіанъ, чтобы они, оставивъ всякіе споры и несогласія, съ такою же ревностью и усердіемъ помогали другъ другу въ дѣлѣ спасенія, т.-е. составляли между собой одно цѣлое, одну живую Церковь, съ какою по самой природѣ своей содѣйствуютъ другъ другу члены организма въ интересахъ ихъ общаго здоровья и жизни: *не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны... страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены. И вы тѣло Христово, а порознь члены* (1 Кор. 12, 21. 26, 27). Изъ этихъ словъ видно, что какъ члены тѣла не могутъ жить порознь другъ отъ друга, такъ и христіане лишь въ соединеніи между собой, составляя собой Церковь, являются истинно вѣрующими во Христа, истинно живущими во Христѣ и слѣдовательно преуспѣвающими на пути ко спасенію.

Но можетъ быть христіане уже въ силу *своей вѣры* во Христа и составляютъ между собой общество или Церковь, видимую для Бога, хотя и невидимую для людей? Можетъ быть такая именно Церковь и разумѣется въ словѣ Божіемъ вездѣ, гдѣ говорится о Церкви, и вовсе не требуется Писаніемъ соединенія христіанъ въ видимо и внѣшне-организованное общество, съ опредѣленными церковными законами, администраціей и т. д.? Но какое же можетъ быть общество людей, существъ не просто духовныхъ, но духовно-чувственныхъ, если они не соединены и не соединяются между собой никакими видимыми и опредѣленными связями? Говорить о союзѣ или общеніи людей, не выражающемся ни въ чемъ видимо-чувственномъ, опредѣленномъ и положительномъ, значитъ играть словами, противорѣчить самому понятію общества. Совершенно справедливо противъ такого пониманія Церкви говоритъ преосв. Хрисанѳъ: «понятіе Церкви незримой, не поддающейся никакому наблюденію равносильно отрицанію, уничтоженію идеи Церкви...

Если не этотъ видимый вѣрующій человѣкъ, состоящій изъ плоти и крови, принадлежитъ къ ней, а какой-то другой, невидимый, его духъ, его сердце, отрѣшенное отъ его дѣйствительныхъ проявленій, то въ дѣйствительности уже нѣтъ того, что называется Церковію, нѣтъ ея по крайней мѣрѣ для насъ, которые живемъ и дѣйствуемъ въ этой земной, внѣшней средѣ. Мы не знаемъ даже, принадлежимъ ли мы къ ней, или нѣтъ». (Характеръ протестантства вып. I, арх. Хрисанѳа стр. 57—58).

II.

Если теперь несомнѣнно, что истинно-христіанская Вѣра имѣетъ мѣсто только въ Церкви и невозможна внѣ ея и истинный христіанинъ лишь тотъ, кто принадлежитъ къ Церкви въ качествѣ живаго ея члена, то становится неизбѣжнымъ далѣе рѣшеніе другаго вопроса: гдѣ же находится эта истинная Церковь, право-вѣрующая и право-исповѣдующая вѣру христіанскую, или иначе—безспорно и несомнѣнно православная?

Если бы во всей вселенной существовала только одна Церковь христіанская; еслибы всѣ вѣрующіе во Христа составляли одно единомысленное и единодушное общество, то, конечно, это единое общество, эта единая Церковь Христова и составляла бы безспорно истинную Церковь; такъ какъ, будучи единственною, она, безъ сомнѣнія, владѣла бы и тѣми свойствами святости и непогрѣшимости, которыя предполагаются неотъемлемо принадлежащими Церкви уже въ самомъ обѣщаніи ей отъ Господа неодолимости или непобѣдимости ея никакими адскими силами. Но исторія и опытъ указываютъ намъ многія общества христіанъ, болѣе или менѣе разногласящія между собой въ исповѣданіи вѣры христіанской, вступающія въ споръ между собой изъ-за содержимыхъ въ нихъ разностей въ ученіи и обрядахъ и приписывающія каждое только себѣ одному достоинства истинной

Церкви Христовой. При такомъ множествѣ церквей и большихъ или меньшихъ отличіяхъ ихъ одной отъ другой становится естественнымъ и притомъ весьма важнымъ вопросъ: какая же изъ этихъ церквей обладаетъ свойствами несомнѣнно истинной Церкви?

Намъ часто приходилось слышать сѣтованія свѣтскихъ лицъ на то, что богословы много разсуждаютъ о частныхъ разностяхъ въ ученіи, обрядахъ и управленіи церквей, но оставляютъ въ сторонѣ наиболѣе интересующій всѣхъ вопросъ: въ чемъ состоитъ существенная, коренная или принципіальная разность между отдѣльными, по крайней мѣрѣ, главнѣйшими церквами? И намъ кажется, что именно въ настоящій разъ *) было бы и неумѣстно и неблаговременно указывать на какія бы то ни было частныя особенности, отличающія ту или иную церковь и на разсмотрѣніи этихъ особенностей основывать сужденіе, съ одной стороны, о недостаткахъ признаваемыхъ нами неистинными церквей, съ другой—о достоинствахъ Церкви подлинно истинной. Несравненно важнѣе выставить на видъ и твердо установить *общія и коренныя начала*, на которыхъ незыблемо утверждается истинная Церковь христіанская, и тогда само собой будетъ яснымъ, какая именно изъ существующихъ въ христіанскомъ мірѣ церквей есть дѣйствительно правовѣрующая и право-исповѣдующая, то-есть Православная.

Истинная Церковь, говоря вообще, та, которая отвѣчаетъ *самой идеѣ или назначенію* Церкви. А назначеніе Церкви состоитъ въ двухъ видахъ: а) быть *вѣрной и неизмѣнной хранительницей* Христіанской Вѣры въ ея первоначальной цѣлости и чистотѣ и б) *неложной учительницей, непогрѣшимой истолковательницей* Вѣры христіанской для членовъ Церкви примѣнительно къ различнымъ потребностямъ ихъ знанія и жизни.

Итакъ, охраненіе ученія Новаго Завѣта въ томъ видѣ, въ какомъ оно открыто Самимъ Господомъ и въ какомъ оно

*) Статья эта была читана на одномъ изъ мѣсячныхъ собраній Общества Любителей Дух. Просвѣщенія.

возвѣщено во всѣхъ концахъ земли Его Апостолами, сохраненіе этого ученія безъ убавленія изъ него и прибавленія къ нему ничего такого, что измѣняло бы его полноту или искажало его первоначальный видъ и смыслъ,—таковъ, утверждаемъ, первый и не подлежащій ни малѣйшему оспариванію принципіальный признакъ истинной Церкви. Это главнѣйшее начало истинной Церкви кратко, но выразительно раскрывается въ самыхъ первыхъ строкахъ извѣстнаго «Окружнаго посланія восточныхъ патріарховъ». Здѣсь высказывается въ качествѣ положенія обязательнаго къ принятію всѣми христіанами, что «священному и божественному евангельскому ученію о нашемъ искупленіи надлежитъ быть всѣмъ проповѣдуему въ той же неповрежденности и принимаему вѣрой въ той же чистотѣ, въ какой Спаситель нашъ, добровольно умалившій Себя, открылъ оное божественнымъ и святымъ Своимъ ученикамъ и въ какой тѣ, свидѣтели, очевидцы и самовидцы, какъ громогласныя трубы, возвѣстили сіе ученіе всей подсолнечной». Спрашивается теперь: гдѣ же можно признать такое Христіанство, не уменьшенное и не увеличенное произволомъ человѣческимъ, а пребывающее въ своей первоначальной богооткровенной цѣлости? Едва ли погрѣшимъ, если отвѣтимъ: тамъ, гдѣ прежде всего *истинно-историческій образъ* Христа *во всей полнотѣ Его жизненныхъ чертъ*, а потомъ все также *ученіе и дѣло Его и Его Апостоловъ* сохраняются не въ однихъ письменныхъ памятникахъ, хотя бы и безусловно достовѣрныхъ — въ евангеліяхъ и посланіяхъ Апостоловъ—а въ томъ живомъ, непосредственномъ видѣ, въ какомъ они стали извѣстны міру первоначально, еще прежде всѣхъ письменъ Новаго Завѣта, въ какомъ они находились предъ современными Господу и Апостоламъ слушателями ихъ проповѣди и очевидцами всего ихъ дѣла и въ какомъ они, такъ сказать, отъ этого перваго поколѣнія вѣрующихъ во Христа съ непрерывною преемственностью стали переходить къ послѣдующимъ, отъ старшихъ къ младшимъ родамъ Церкви христіанской. Короче сказать, истинная Церковь имѣетъ пре-

бываніе тамъ, гдѣ христіанская Вѣра сохраняетсяне въ одномъ Священномъ Писаніи, но и въ не менѣе важномъ Священномъ Преданіи, пополняющемъ и выясняющемъ Писаніе. (Преданіе, конечно, разумѣемъ вѣрное, не искаженное и истинно-апостольское). Въ каждомъ обществѣ самое важное и существенное значеніе имѣетъ не письменный уставъ или правила, предназначенныя руководить дѣятельностью его членовъ, а духъ, воодушевившій основателей общества и составителей устава; такъ точно самое важное и въ Христіанствѣ, какъ въ его Церкви, такъ и ученіи, не буква, а духъ: *духа не угашайте* (1 Ѳесс. 1, 19); а этотъ общій жизнедѣятельный духъ нашей вѣры можетъ передаваться не посредствомъ письменности или книгъ, а только посредствомъ живой, непосредственной передачи его отъ раннихъ поколѣній христіанской церкви къ послѣдующимъ, тамъ, гдѣ одни вѣка христіанской церкви и одни роды вѣрующихъ во Христа, уступая мѣсто другимъ вѣкамъ и родамъ, безъ всякихъ измѣненій, свято и нерушимо передаютъ другъ другу всю полноту Христіанства, и такимъ образомъ находятся въ тѣснѣйшемъ общеніи между собой, составляя какъ бы одинъ вѣкъ, одинъ тотъ родъ христіанъ, который первый принялъ и усвоилъ себѣ христіанскую Вѣру. Извѣстно, что книги Новаго Завѣта содержатъ въ себѣ только незначительную долю *изъ всего устнаго ученія* Господа и Апостоловъ, посредствомъ котораго насаждена была христіанская Вѣра въ мірѣ и на которомъ основана была христіанская Церковь. Еще менѣе мы знаемъ изъ Священнаго Писанія о трудахъ Апостоловъ, направленныхъ *къ благоустройству Церкви*, или иначе—имѣющихъ отношеніе къ учрежденію чина богослуженія въ Церкви и опредѣленію взаимныхъ отношеній между разными членами Церкви, начальствующими и подчиненными, пастырями и пасомыми, и вообще къ упорядоченію благоповеденія въ жизни христіанъ. Если при такихъ опущеніяхъ въ Писаніи *многаго* изъ того, чему Христосъ и Апостолы учили и что дѣлали, мы откажемся отъ содержимаго въ преданіяхъ Церкви, съ непрерывное пре-

емственностью переходящихъ отъ раннихъ христіанъ къ позднѣйшимъ; если будемъ разрывать всякую связь съ предшествующими вѣками христіанской Церкви и отвергать сообщенные ими въ наслѣдіе намъ изначальные завѣты Христіанства и объяснять или толковать самое Писаніе по своему личному разумѣнію, а по отношенію къ богослуженію, обрядамъ и правиламъ доброй жизни христіанъ устроять церковь по своему вкусу или произволу, не справляясь съ исторіей состоянія Церкви въ первые ея вѣка; то, говоря словами Василія Великаго, мы несомнѣнно повредимъ самому евангелію и отъ проповѣди апостольской оставимъ одно пустое имя, и наша церковь будетъ уже не Церковію Христовой, а церковію самочинной, мнимо-христіанской, неистинной.

Второй принципіальный признакъ истинной Церкви Христовой состоитъ въ томъ, что въ ней *высшій и всеобщій учитель и управитель*, отъ котораго исходятъ всѣ опредѣленія и распоряженія, относящіяся какъ къ утвержденію вѣры, так и къ возвышенію благочестія среди вѣрующихъ, стоитъ *выше всѣхъ слаб стей и погрѣшностей человѣческихъ и владѣетъ сверхчеловѣческой, божественной непогрѣшимостью.* Не переставая пребывать въ неразрывномъ союзѣ съ Церковью, какъ ея Глава, даже и по видимомъ вознесеніи Своемъ на небо, Господь въ то же время, согласно Своему обѣщанію, ниспослалъ въ міръ отъ Отца для довершенія всего Его дѣла (примиренія человѣка съ Богомъ) и для дальнѣйшаго управленія Церковію Духа Святого, третью Ѵпостась Св. Троицы. При главенствѣ Господа надъ Церковію, какъ Своимъ тѣломъ, Духъ Святый является въ Церкви Духомъ животворящимъ, оживляющимъ и проникающимъ ее, какъ истинное, живое тѣло Христово и охраняющимъ ее отъ всякой погрѣшимости. Чрезъ какое же орудіе или органъ Духъ Святый проявляетъ свое управленіе и вообще непогрѣшимость своихъ дѣйствій въ Церкви? Такъ какъ именно *цѣлой* Церкви, какъ составленному изъ разныхъ членовъ тѣлу, подъ Своимъ главенствомъ Господь

обѣщалъ несокрушимость силами ада до конца міра и eo ipso въ этой несокрушимости—также непогрѣшимость ученія и вообще всѣхъ ея дѣйствій; то Духъ Святый, очевидно, охраняетъ и выражаетъ непогрѣшимость Церкви чрезъ такой органъ, посредствомъ котораго высказывается *вся Церковь*, отъ котораго слышится какъ бы слившійся во едино голосъ всѣхъ вѣрующихъ вмѣстѣ. Этимъ органомъ и служитъ, *вселенскій соборъ*, прототипомъ котораго былъ апостольскій соборъ, въ своихъ постановленіяхъ прямо признавшій не просто опредѣленія человѣческія, т. е. присутствовавшихъ вѣрующихъ на соборѣ, но опредѣленія, состоявшіяся по изволенію Духа Святаго. «Въ древней церкви, говоритъ нашъ почтеннѣйшій церковный историкъ, о. протоіерей А. М. Иванцевъ-Платоновъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ не знали никакой видимой главы; главой церкви признавали одного Христа... Высшею властію, признаваемою всею церковію, былъ вселенскій соборъ, какъ полнѣйшій выразитель вѣрованій и опредѣленій вселенской церкви, утвержденныхъ изволеніемъ Св. Духа... На ряду со всѣми другими и римскіе епископы подчинялись суду вселенскаго собора» (О римскомъ католицизмѣ и его отношеніи къ православію. ч. II, 87 стр.) Правда на соборахъ излагали ученіе и выражали постановленія и правила для благочинія въ церковной жизни христіанъ лица, принадлежавшія къ іерархіи; но іерархи, въ особомъ дарѣ благодати, ниспосылаемомъ на нихъ чрезъ таинство священства, пріобрѣтающіе право на ученіе и управленіе въ церкви вселенской, всегда находились въ церкви вселенской въ неразрывномъ союзѣ со всѣми вѣрующими, съ своими пасомыми и въ своихъ соборныхъ ученіяхъ и вообще соборныхъ дѣяніяхъ отражали духъ, волю и воззрѣнія всей церкви, управляемой Духомъ Божіимъ. «Непогрѣшима, говоритъ преосвящ. Макарій, *вообще вся церковь* Христова, состоящая изъ пастырей и пасомыхъ,» и ниже замѣчаетъ, что хотя «при раскрытіи ученія о непогрѣшимости церкви надобно имѣть въ виду преимущественно церковь учащую,

однако нераздѣльно соединенную съ церковію учимою» (Введеніе въ Прав. Богосл. 299 стр. изд. 1852 г.). «У насъ— подтверждаютъ вышесказанное восточные патріархи въ своемъ «Окружномъ посланіи,» очевидно, характеризуя дѣятельность іерархіи за всѣ времена церковной исторіи и за тотъ періодъ, въ который были вселенскіе соборы,—ни патріархи, ни соборы никогда не могли внести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранять вѣру свою неизмѣнною и согласно съ вѣрой отцовъ его, какъ это испытали многіе изъ папъ и латинствующихъ патріарховъ со времени раздѣленія, нисколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ».

Первымъ началомъ своей жизни и дѣятельности—сохраненіемъ христіанской Вѣры, открытой Господомъ и распространенной апостолами по всему міру, въ ея первоначальной цѣлости, чистотѣ и неповрежденности истинная Церковь по праву пріобрѣтаетъ себѣ названіе *апостольской*; второе начало—непогрѣшимость ученія и управленія, имѣющая свой источникъ не въ разумѣ или волѣ отдѣльнаго лица, или особаго класса изъ цѣлаго собранія вѣрующихъ, а въ разумѣ и волѣ всей Церкви вообще, выражающей себя чрезъ соборы, руководимые и вдохновляемые Духомъ Божіимъ,—даетъ Церкви всѣ основанія именоваться *каѳолическою, вселенскою.* Оба начала, дѣйствуя въ церкви совокупно и нераздѣльно, вполнѣ оправдываютъ ея наименованіе *единою святою.*

Отыскивая теперь раскрытыя нами начала истинной Церкви въ существующихъ въ настоящее время различныхъ христіанскихъ церквахъ, мы, не обинуясь, съ рѣшительной увѣренностью въ безошибочности своего утвержденія, можемъ сказать, что изъ всѣхъ современныхъ христіанскихъ обществъ, называющихъ себя церквами, достоинство истинной Церкви Христовой принадлежитъ *только Церкви греко-восточной*, справедливо усвоившей себѣ наи-

менованіе *Православной*, въ составъ которой входитъ и наша русская церковь.

Въ Православной Церкви мы имѣемъ *всю полноту* новозавѣтнаго божественнаго откровенія, сообщеннаго міру Самимъ Господомъ Христомъ и Его апостолами и посредствомъ Писанія и Преданія, и она есть та Церковь, которая *единственно* можетъ быть названа *истиннымъ хранилищемъ* вѣры, неизмѣнно сберегающимъ ученіе, управленіе и вообще всѣ порядки, въ ихъ существенныхъ основаніяхъ, первой, непосредственно апостолами насажденной, Церкви Христовой. «Наши, говорятъ восточные патріархи въ своемъ Окружномъ посланіи, святые и божественные отцы и предшественники, непрерывно преемствующіе другъ другу, начиная отъ апостоловъ и отъ поставленныхъ ими преемниковъ ихъ даже до настоящаго времени, составляя одну неразрывную цѣпь и соединяясь рука въ руку, образуютъ священную ограду, которой дверь Христосъ, гдѣ пасется вся православная паства на плодородныхъ нивахъ таинственнаго Эдема, а не на стезяхъ кривыхъ и строптивыхъ». Въ Православной Церкви *главой* всегда былъ и теперь остается *Господь Іисусъ Христосъ*, и такимъ образомъ вся церковь *во всѣхъ своихъ членахъ*, во всемъ своемъ составѣ неизмѣнно является тѣломъ Христовымъ. Въ ней высшій учитель и правитель *Духъ Божій*, воодушевляющій и проникающій Своей силой *все тѣло* Христово, всѣхъ Его членовъ, не раздѣляя непроходимою пропастью простыхъ вѣрующихъ отъ іерархіи, поэтому дѣйствующій *во всѣхъ и чрезъ всѣхъ* по неразрывной связи между ними и только имѣющій членовъ іерархіи, какъ пріемлющихъ особый даръ благодати—*пасти Церковь Господа и Бога*,—спеціальными органами или выразителями общей духовной жизни церкви, а во вселенскомъ соборѣ, сосредоточивающемъ въ себѣ цѣлостный духъ и смыслъ церкви, владѣющій высшимъ непогрѣшимымъ органомъ своей истины въ ученіи и управленіи церковію. Въ Церкви Православной нельзя указать ничего такого, чѣмъ искажался бы образъ истинной Церкви Христовой; въ ней нѣтъ такой розни, такого противоположенія между іерархіей и про-

чими вѣрующими, по которому первая являлась бы исключительно дѣятельною и опредѣляющею все состояніе, весь духъ, все движеніе жизни въ церкви, а вторые—безусловно-пассивною, исключительно повинующеюся частію церкви первой; нѣтъ такого абсолютно ненормальнаго, безусловно искажающаго образъ церкви явленія, по которому у церкви, какъ тѣла Христова, главой оказывался бы Христосъ не лично и не непосредственно, а чрезъ посредство одного изъ членовъ церкви, стоящаго на вершинѣ церковной іерархіи и сосредоточивающаго въ себѣ всю власть, всю силу управленія всѣми прочими членами церкви и потому единственно владѣющаго свободною и самосознательною жизнію церкви и только отъ себя по мѣрѣ своего произволенія изливающаго ее во всѣ прочіе члены церкви. «Въ православной церкви, говоритъ о. протоіерей Иванцовъ, признается единымъ вѣрнымъ блюстителемъ истиннаго ученія вѣры и непогрѣшимости церковной—Духъ Святый, Духъ истины; изъ людей никому не приписывается божественное свойство всевѣдѣнія и непогрѣшимости: органомъ же Духа Божія въ православной церкви признается не одинъ какой-либо или нѣкоторые изъ пастырей и учителей церкви, а вся церковь—*столпъ и утвержденіе истины*, то-есть всѣ истинно вѣрующіе, соединенные Священнымъ преданіемъ вѣры, совокупно и преемственно по устроенію Божію составляющіе единую Божію Церковь, преимущественно же вѣрно служащіе церкви — пастыри и учители, поставленные Духомъ Божіимъ пасти церковь Господа и Бога» (179 стр. ib.)

Правда со времени семьмого вселенскаго собора проходилъ цѣлый рядъ вѣковъ въ исторіи православной Церкви безъ соборовъ; но это, безъ сомнѣнія, потому, что по дѣйствію Провидѣнія не было и теперь еще не настоитъ надобности въ созваніи новаго вселенскаго собора; такъ какъ правильное состояніе церкви пока еще обезпечивается ученіемъ и постановленіями прежнихъ вселенскихъ соборовъ, на которыхъ, какъ на семи столбахъ, доселѣ незыблемо стоитъ наша Православная Церковь.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другой—старѣйшей церкви въ мірѣ христіанскомъ, къ *римско-католической.* Въ противоположность греко-восточной западная, римско-католическая церковь давно уже *начала* и съ теченіемъ времени болѣе и болѣе продолжаетъ *утрачивать* характеръ истинной церкви; такъ какъ подъ именемъ вѣковыхъ преданій, сохраняющихся отъ временъ апостольскихъ, она постепенно внесла въ систему догматовъ рядъ *новыхъ ученій*, возникшихъ въ ней самой вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій ея жизни и въ управленіе церкви ввела порядки, неизвѣстные исторіи древней церкви. «Со времени раздѣленія церквей, читаемъ у о. прот. Иванцова, въ западной церкви болѣе и болѣе стали распространяться противныя древности нововведенія въ ученіи вѣры, церковномъ устройствѣ и богослуженіи... Представители западной церкви, папы и духовенство, иногда ненамѣренно, по недоразумѣнію, увлекались предразсудками народными и возводили ихъ въ церковныя вѣрованія; иногда по разсчетамъ корыстолюбія и честолюбія распространяли въ народѣ фальшивыя понятія и неправильные обычаи... Схоластики не умѣли различать между преданіями древняго вселенскаго православія и нововведеніями папства. Тѣ и другія они старались соединить въ одну стройную церковную систему. Для подкрѣпленія ученій новыхъ приводились свидѣтельства древнія въ искаженномъ видѣ или такія, которыя совсѣмъ не были извѣстны древности; вырывались отрывками и перетолковывались совершенно произвольно мѣста изъ древнихъ писателей; искажались древніе манускрипты произвольными вставками и поправками, выдумывались небывалые историческіе факты, сочинялись цѣлыя подложныя сочиненія и выдавались подъ именами извѣстныхъ учителей церкви» и т. д. (О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Изд. вт. стр. 3—5). *)

---

*) Ср. „Православіе, какъ единая въ мірѣ истинная и спасающая религія“ А. Царевскаго стр. 338, въ апр. книжкѣ Прав. Собесѣдника 1894 года, полученной нами много позднѣе по прочтеніи своей статьи въ „Обществѣ Люб. Д. Пр—ія“.

Съ этими произвольными дѣйствіями католической церкви въ тѣсной связи стоитъ перенесеніе ею, такъ сказать, *центра дѣйствія Духа Божія* въ церкви со вселенскихъ соборовъ *на одинъ только іерархическій классъ* вѣрующихъ и отсюда проведеніе строго-раздѣлительной черты между іерархіей и прочими вѣрующими, между пастырями и пасомыми и постановленіе ихъ въ совершенно различныя отношенія къ управляющему церковью Духу Божію. Здѣсь не вся церковь во всей совокупности своихъ членовъ составляетъ живое тѣло Христово, въ которомъ хотя достоинство членовъ различно, (одни управляющіе, другіе управляемые, какъ это находимъ и въ православной церкви)— однако всѣ соединены между собой нераздѣльно и живутъ общею жизнію, исходящею отъ Духа Божія, а только одна іерархія, воспринимающая всѣ дары Духа Божія и уже отъ себя, по своему усмотрѣнію, удѣляющая ихъ мірянамъ; она одна—живая, дѣятельная часть церкви, а остальная масса вѣрующихъ—исключительно воспринимающая отъ первой, безусловно повинующаяся ей, не владѣющая никакою саможизненностью. Отсюда въ соборахъ ея выражается не духъ и смыслъ всей церкви, а требованія и цѣли *іерархіи*, стремящейся къ поддержанію и укрѣпленію безусловнаго властительства надъ всѣми, не принадлежащими къ ея средѣ. «Общее понятіе церкви, говоритъ с. прот. Иванцовъ, какъ богоустановленнаго союза, обнимающаго вмѣстѣ іерархію и всѣхъ истинно вѣрующихъ, у католиковъ почти исключительно слито съ понятіемъ іерархіи — церкви учащей и правящей. . Только іерархіи предоставляется сознательное и дѣятельное участіе въ жизни церковной, народъ же считается какъ бы бездушною массой и безсловеснымъ стадомъ, обязаннымъ безпрекословно довѣряться и подчиняться своимъ пастырямъ... Народу воспрещается принимать участіе въ церковныхъ дѣлахъ, разсуждать о предметахъ вѣры, даже читать священное писаніе». (О западн. вѣроисповѣд. стр. 44—5). Но и внутри самой іерархіи католической церкви дѣйствія Духа Божія, обѣщаннаго Господомъ церкви, признаются во

всей полнотѣ своихъ даровъ сосредоточивающимися непосредственно лишь *на одномъ лицѣ — папѣ*, отъ котораго, какъ отъ центра, и исходятъ въ разныя стороны въ видѣ радіусовъ къ прочимъ членамъ іерархіи. Отсюда папа является замѣстителемъ самого Христа на землѣ, принимаетъ на себя весь авторитетъ Христа предъ взоромъ вѣрующихъ, объявляетъ себя непогрѣшимымъ, совмѣщающимъ въ себѣ одномъ внутреннее управленіе церковью со стороны Духа Божія. «Догматъ о папѣ, говоритъ о. Иванцовъ, какъ видимой верховной и непогрѣшимой главѣ церкви, составляетъ основаніе всей римско-католической вѣроисповѣдной системы и даетъ особенный характеръ всему устройству римской церкви... Во всѣхъ другихъ своихъ мнѣніяхъ и требованіяхъ они готовы бываютъ иногда допустить всевозможныя послабленія и уступки; но догматъ о власти папской признается ими за самую основу католицизма» (85 стр. О римск. катол. и его отношеніи къ правосл.). И нашъ почтенный историкъ краткими, но выразительными чертами обрисовываетъ развитіе идеи папы, какъ верховнаго главы и непогрѣшимаго учителя и управителя церкви. «Папская идея, говоритъ онъ, развилась преимущественно съ XI до XIV вв., то-есть во время самаго высшаго политическаго могущества папской власти и крайняго развитія схоластики... Западные схоластическіе богословы, намѣренно прислуживавшіе папамъ, развили это ученіе, по истинѣ, можно сказать, до чудовищныхъ крайностей и странностей... Безъ папской власти, по ученію схоластиковъ, не можетъ стоять церковь, не можетъ держаться вѣра, не можетъ дѣйствовать никакая другая власть: ни государственная въ дѣлахъ мірскихъ, ни власть епископовъ и вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ духовныхъ; безъ признанія власти папской не можетъ спастись ни одинъ человѣкъ. Одинъ папа имѣетъ и можетъ сообщить ключъ къ разумѣнію божественной воли и божественнаго слова; онъ можетъ вводить новые догматы, постановлять новые законы въ церкви...» (91 стр. ib). Иные богословы имѣли дерзость утверждать, что еслибы даже

папы стали говорить что-либо вопреки ясному смыслу священнаго писанія, требованіямъ совѣсти и нравственнаго чувства, свидѣтельству очевидныхъ фактовъ, и въ такомъ случаѣ нужно вѣрить болѣе папѣ (92 стр. ib.). У нѣкоторыхъ средне-вѣковыхъ писателей папа получаетъ наименованіе Dominus Deus (Господь Богъ); иные рѣшали вопросъ: кого слѣдуетъ болѣе почитать—папу или св. ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, въ пользу папы: папу нужно почитать, какъ самого Христа... у папы и у Бога одна мысль, одна воля и одно рѣшеніе» (94—5 стр. ib.). Удивительно ли, что соотвѣтственно превознесенію или, вѣрнѣе, обоготворенію папы въ теоріи, въ ученіи, папѣ оказываются необычайныя почести на практикѣ: «при коронованіи онъ восходитъ и садится не просто на царскій тронъ, но и на самый престолъ Господа Вседержителя, гдѣ совершается безкровная жертва» (у о. Иванц. ib). Правда, тѣ нелѣпыя крайности, изъ которыхъ развилось ученіе о папской власти въ средневѣковомъ схоластическомъ богословіи, съ XVI вѣка римско-католическое богословіе уже отбросило; однако существенные пункты этого ученія: папа есть глава церкви и намѣстникъ Божій на землѣ; онъ владѣетъ высокимъ свойствомъ непогрѣшимости въ дѣлахъ вѣры; его власть выше власти вселенскихъ соборовъ и безъ него не можетъ существовать Церковь,—эти пункты и доселѣ твердо держатся въ католическомъ богословіи (ib).

Естественно и невольно спрашивается: что можетъ быть извращеннѣе такого образа церкви, гдѣ вмѣсто главы ея—Богочеловѣка стоитъ главой смертный и грѣховный человѣкъ, вмѣсто единаго, живаго тѣла Христова, соединяющаго всѣхъ своихъ членовъ одною органическою связью, мы видимъ *двѣ существенно различныя* составныя части, только механически сплоченныя между собой, изъ коихъ лишь одна пользуется правомъ самодѣятельности, а на долю другой выпадаетъ исключительно воспріимчивость и повиновеніе, автоматическая дѣятельность по получаемому ею толчку отъ первой? И можетъ ли быть истинная Цер-

ковь тамъ, гдѣ *не общій* духъ и смыслъ церкви, непосредственно руководимый Духомъ Божіимъ и выражающійся въ постановленіяхъ соборовъ, управляетъ всею жизнію Церкви, а *единоличный* духъ человѣка, движимый властолюбіемъ и честолюбіемъ? Поэтому, намъ кажется, далеко небезосновательно о. прот. Иванцовъ видитъ въ идеѣ папы, какъ главы церкви, одну изъ главныхъ причинъ упадка вѣры и разлива невѣрія на западѣ: «гдѣ къ живому организму церкви приставляется бренная, гнилая голова, гнилость ея производитъ разрушительное дѣйствіе и во всемъ организмѣ. Тамъ, гдѣ личность человѣческая облекается правами и свойствами авторитета божественнаго, давленіе такого авторитета становится невыносимымъ для другихъ личностей. Тамъ, гдѣ единство и порядокъ между членами общества поддерживается только рабскимъ подчиненіемъ всѣхъ одному внѣшнему авторитету,—стѣсняется свободное развитіе личностей и является естественный протестъ противъ этого авторитета... Такимъ образомъ папство не скрѣпляетъ и не объединяетъ, но разрушаетъ организмъ церковный, какъ вредный наростъ, какъ заразительная болѣзнь... (165 стр. О римск. кат.).

Не менѣе далеки отъ истиннаго образа церкви и другія западныя общества христіанъ, образовавшіяся подъ вліяніемъ вражды и ожесточенія противъ католичества и усвоившія себѣ противоположныя католицизму крайности; это—церкви, такъ-называемыя, протестантскія — лютеранская и реформатская, а равно и болѣе или менѣе сродныя имъ секты. Онѣ въ противоположность наслоенію на древне-апостольскія преданія собственныхъ измышленій іерархіи въ католичествѣ, отвергли все неоцѣнимое сокровище апостольскихъ преданій, свято сохранявшихся въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ въ Церкви вселенской; такимъ образомъ порвали связь съ живымъ и неизмѣнно-тожественнымъ, переходившимъ изъ вѣка въ вѣкъ, разумѣніемъ и освѣщеніемъ

часто неясной буквы Писанія, и явились не церковью, возстановившею въ себѣ утраченный католичествомъ первоначальный типъ (видъ) Церкви Христовой, а лишь параллельнымъ католичеству искаженіемъ существа и характера Церкви Христовой на новый ладъ. «Главнымъ, читаемъ мы у о. Иванцова, исходнымъ пунктомъ протестантскихъ заблужденій послужило то, что протестанты отвергли всякій авторитетъ церковный въ дѣлѣ вѣры, авторитетъ преданія, учителей церкви, вселенскихъ соборовъ, оставили единственнымъ руководствомъ въ дѣлѣ вѣры свящ. Писаніе, предоставивъ всякому вѣрующему толковать его по своему личному разумѣнію». (О западн. вѣроисп. 57 стр.).—Въ протестантскихъ церквахъ выступаетъ еще другая крайность, противоположная католичеству. Если тамъ Духъ Божій непосредственно руководитъ не всею церковью вообще, а исключительно іерархіей, предоставляя прочимъ членамъ церкви одно слѣпое, безотчетное повиновеніе іерархіи, то здѣсь, наоборотъ, отрицается *всякое посредствующее значеніе іерархіи* между главой Церкви, Христомъ, и прочими членами ея, всякое преимущество пастырей надъ пасомыми, неотъемлемо принадлежащее первымъ въ силу особаго дара Духа Святаго, полученнаго ими для прохожденія своего служенія (Дѣян. 20, 28; Евр. 5, 4) «Другимъ началомъ, говоритъ уже не разъ цитуемый нами историкъ, послужило то, что протестанты въ строѣ жизни церковной до крайности ослабили значеніе духовной іерархіи. Они совсѣмъ отвергли значеніе и надобность іерархіи и провозгласили ученіе о всеобщемъ священствѣ и равенствѣ всѣхъ вѣрующихъ предъ Богомъ, о правѣ всякаго вѣрующаго обращаться къ Богу лично безъ всякихъ іерархическихъ посредствъ» (ib. 60 стр.). Здѣсь Духъ Святый является такъ же, какъ и въ католичествѣ, дѣйствующимъ, наставляющимъ и управляющимъ не въ цѣлой церкви вообще, но въ каждомъ христіанинѣ отдѣльно и непосредственно; отсюда каждый христіанинъ здѣсь является самъ для себя учителемъ и ученикомъ, пастыремъ и пасомымъ, словомъ—

сосредоточивающимъ въ себѣ самомъ *всѣ* дары Духа, потребныя для созданія всего дѣла человѣческаго спасенія. «Увлекаясь противорѣчіемъ католицизму, говоритъ преосвященный Хрисанѳъ, реформаторы на мѣстѣ гнета и насилія ставятъ чистый произволъ и безграничную свободу, даютъ полный просторъ чисто личному воззрѣнію. (9 стр. Характеръ протестанства вып. I). Отсюда всѣ члены протестантскихъ обществъ или, какъ они также называютъ свои общества, церквей, въ сущности не составляютъ одного, органически соединеннаго цѣлаго, а просто механическое собраніе личностей, изъ которыхъ каждая уже сама по себѣ является совмѣщающею въ себѣ церковь. Ложь, неистинность этихъ церквей открывается, какъ можно видѣть, изъ прямого внутренняго противорѣчія понятію о церкви того значенія, которое приписывается въ протестанствѣ каждому отдѣльному христіанину.

III.

Послѣ раскрытыхъ здѣсь основаній, съ точки зрѣнія самаго понятія и существа церкви, въ пользу той мысли, что истинная Церковь Христова въ ея первоначальной чистотѣ и совершенствѣ находится лишь на востокѣ, есть Церковь Православная, а не на западѣ — въ католичествѣ или протестанствѣ, гдѣ встрѣчаемъ лишь два различно искаженныхъ образа церкви, можемъ ли мы, православные христіане, увлекаться, если только дорожимъ богооткровенною истиной и вѣчнымъ спасеніемъ души, ложными ученіями двухъ модныхъ, выдающихся представителей нашей свѣтской современной литературы, разумѣемъ Вл. Соловьева и гр. Толстого, изъ которыхъ одинъ манитъ насъ въ ограду церкви католической, обѣщая въ ней всяческія блага намъ, и временныя, и вѣчныя, а другой желаетъ поставить насъ на путь протестантскаго раціонализма въ дѣлѣ вѣры? По мнѣнію перваго, всѣ виды зла въ мірѣ исчезнутъ сами собой, коль скоро мы отдадимъ себя во власть папы, предоставимъ

ему съ безусловной свободой опредѣлять наше вѣроученіе, направлять нашу жизнь по желаемому имъ пути, руководить всѣми отношеніями нашими другъ къ другу, всѣми проявленіями нашего духа. Но исторія и опытъ настойчиво предостерегаютъ насъ отъ обольщенія необычайно заманчивыми послѣдствіями безграничнаго властительства папы надъ міромъ. Въ средніе вѣка папское владычество надъ западнымъ міромъ стояло на такой высотѣ, о какой только оно могло мечтать. И что же изъ этого вышло? Ничего кромѣ зла и бѣдствій какъ для церковной, такъ и для гражданской жизни запада. *) Насильственно подчинивъ себѣ всѣ сферы жизни человѣческой, католическая церковь уклонилась отъ своего собственнаго призванія,—изъ силы духовной, нравственной превратилась въ мірскую, стихійную, измѣнила своимъ собственнымъ началамъ. Жизнь мірская съ своими собственными требованіями и стремленіями, назначенными ей Богомъ, подпала подъ такой тяжкій гнетъ, подъ которымъ замерло и окоченѣло въ ней все даже самое естественное и законное въ отношеніи къ праву жизни и развитія, и отъ этой неподвижности жизни не было пользы ни церкви, ни государствамъ. «Папство, подтвердимъ опять свои мысли авторитетными сужденіями уже цитованнаго нами

---

*) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь небольшую выдержку изъ прекрасной, воодушевленно написанной публичной лекціи А. Царевскаго, процитованной нами выше: „сколько и какихъ злодѣяній не было тамъ въ католичествѣ совершено изъ-за религіи, какихъ только насилій и злоупотребленій недопущено было надъ святымъ именемъ Христіанства! Церковь мира и любви вооружается тамъ мечемъ, совершители безкровной жертвы военачальствуютъ на кровавомъ полѣ; рыцари и такъ называемые „крестоносцы“ совершаютъ возмутительныя насилія и разбойничаютъ подъ предлогомъ распространенія святой вѣры. Инквизиція, при одномъ воспоминаніи о которой содрогается душа христіанина, „во имя Христа „превзошла всякое мучительство, всякую жестокость, когда-либо виданныя землею! Іезуиты на вѣки оставили по себѣ самую позорно-печальную и заслуженно-ненавистную память. Такіе ужасы и жестокость, какъ Вареоломеевская ночь, доселѣ остаются безпримѣрными въ исторіи человѣчества“ (стр. 341).

почтеннаго историка, высокую идею церкви, духовное царство Божіе извратило въ стремленіяхъ создать политическое земное царство. Насколько эти стремленія отозвались на духовномъ развитіи западнаго христіанства, настолько они внесли порчи во всѣ самыя высокія его проявленія (189 стр. О римск. катол.) И неизбѣжность этой порчи, вытекающая изъ основныхъ началъ папства, о. протоіерей раскрываетъ самымъ убѣдительнымъ, до очевидности, образомъ: «если, говоритъ онъ, самъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, явившійся въ міръ для спасенія людей, не признавалъ нужнымъ для успѣха своей религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для блага людей, соединить въ своемъ лицѣ высшій религіозный и высшій земной авторитетъ, то тѣмъ болѣе нельзя этого сдѣлать кому-либо изъ послѣдователей и служителей Христа, кому-либо изъ ограниченныхъ смертныхъ людей... Человѣку, который бы взялъ на себя это, несоотвѣтствующее силамъ человѣческимъ, дѣло, могла бы угрожать опасность не только не принести пользы религіи, государству, наукѣ и т. д., но и существенно повредить всему: религію исказить, свободу науки стѣснить, отправленіямъ государственнымъ дать ненормальный ходъ, духовное смѣшать съ мірскимъ, человѣческое покрыть авторитетомъ божественнаго, божественное унизить до человѣческаго; и чрезъ то не примирить, а еще болѣе раздѣлить и поставить въ противорѣчіе религію, государство, науку и т. д. Папство въ средніе вѣка именно впало въ эту ошибку, задумавши воздвигнуть въ церкви христіанской всемірную теократическую монархію... Оно захотѣло взять въ свои руки управленіе всѣми дѣлами не только религіозными, но и государственными, подчинить себѣ науку, искусство и всякія другія сферы человѣческой жизни, дабы чрезъ всѣ сферы удобнѣе проводить на христіанъ религіозное вліяніе... И что же? Не только не приносило пользы религіи, государству, наукѣ, но и вредило всему: унижало религію, вмѣшивая ее въ нечистый водоворотъ страстей и дѣлъ человѣческихъ, задерживало естественное развитіе науки,

стѣсняя ея свободу требованіями внѣшняго для нея церковнаго авторитета, нарушало правильный ходъ политической жизни, злоупотребляя религіознымъ вліяніемъ въ политическихъ дѣлахъ» (248—51 стр. ч. II. О римск. кат.) Нужно ли удивляться, что такая гибельная, тлетворная опека западныхъ государствъ со стороны католической церкви вызвала на разныхъ концахъ запада взрывъ церковной революціи, именуемой обыкновенно реформаціей... Церковь, это правда, должна стремиться *къ проникновенію своими высшими, божественными началами* жизни государственной; но такой цѣли обязана достигать не внѣшне-насильственнымъ путемъ, а чисто нравственнымъ, посредствомъ совершенно свободнаго воспріятія и усвоенія государствомъ изъ ученія церкви глубочайшихъ основъ жизни, посредствомъ добровольнаго дѣйствованія государства въ гармоніи съ духомъ и требованіями церкви, что мы и видимъ именно *въ жизни нашего государства*, которое справедливо можетъ быть названо государствомъ *православнымъ*.

На сторону католичества или, вѣрнѣе, покорности папѣ насъ хотятъ склонить указаніемъ на мнимое исключительное соотвѣтствіе идеѣ церкви этого подчиненія всѣхъ *единой верховной личной власти* въ церкви: «единство церкви, говорятъ, составляетъ одно изъ существенныхъ свойствъ церкви, а безъ папской власти такого единства быть не можетъ: папа есть высшее средоточіе, живой символъ, живое выраженіе такого единства.» Но здѣсь, справедливо говоритъ о. Иванцовъ, выражается чисто внѣшнее, матеріальное понятіе о единствѣ церковномъ, какъ только о подчиненіи всего христіанскаго міра одному внѣшнему авторитету... Но въ церкви Христовой, какъ въ духовномъ царствѣ Божіемъ, есть много другихъ болѣе крѣпкихъ связей. Единство духа, единство вѣры, надежды и любви, единство убѣжденій высшихъ чаяній, основныхъ началъ христіанской жизни, основныхъ правилъ церковнаго благоустройства, единство стремленій, интересовъ и цѣлей, братское единодушіе, взаимная любовь—такое внутреннее

единство само по себѣ не выше ли того наружнаго единства, которое проявляется только въ повиновеніи всѣхъ одной верховной власти? И если церкви нуженъ внѣшній символъ внутренняго единства, то развѣ вселенскій соборъ, какъ свободное выраженіе внутренняго единомыслія и единодушія въ церкви, не есть гораздо болѣе высокое выраженіе церковнаго единства, чѣмъ самая строгая централизація церковная»? (ів. 159—60). Не менѣе неосновательно указываютъ приверженцы папства и на то, будто только подчиненіемъ единой верховной власти въ церкви, т. е. папѣ, обезпечивается самостоятельность или независимость церкви отъ свѣтской власти. Но о какой самостоятельности церкви нужно думать, какъ существенномъ условіи ея истиннаго, нормальнаго состоянія, или какъ необходимомъ признакѣ ея истины? Безъ сомнѣнія, не о внѣшней самостоятельности можетъ быть здѣсь рѣчь; такъ какъ внѣшняя самостоятельность или зависимость церкви можетъ зависѣть отъ случайныхъ историческихъ причинъ и существу или истинѣ ея нисколько не вредитъ. Православный народъ можетъ подпасть въ политическомъ отношеніи иновѣрной власти, слѣдовательно, и самая церковь этого народа или вѣрнѣе церковная власть—іерархія этого народа оказаться въ подчиненіи у иновѣрныхъ властей; но отсюда не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ церковь теряетъ свое достоинство истинной церкви. Въ такомъ подчиненіи была у языческой власти *несомнѣнно истинная церковь христіанская въ первые вѣка* христіанства; въ такомъ же подчиненіи находится цѣлые вѣка у послѣдователей ислама греческая церковь; но это не лишаетъ ее достоинства истинной Христовой церкви. Такое достоинство она сохраняетъ, при всей внѣшней подчиненности иновѣрнымъ, *внутреннею самостоятельностью*, непоколебимою вѣрностью своему первоначальному, богоустановленному состоянію. Внутренняя самостоятельность церкви проявляется въ ея храненіи неприкосновенными своего ученія вѣры, своего внутренняго строя, своихъ нравственныхъ стремленій...

«Восточная церковь въ продолженіе многихъ вѣковъ сохраняетъ свое ученіе вѣры, свой порядокъ церковный, свои нравственныя начала въ большей чистотѣ и неприкосности, нежели западная церковь» (О. Иванцовъ 168 стр. ч. II. іЬ.)

Не менѣе, если не болѣе, ложенъ и опасенъ своимъ сладкоглаголаніемъ другой проповѣдникъ нашей свѣтской литературы съ своимъ, можно сказать, противоположнымъ направленіемъ первому — гр. Толстой. Этотъ, наоборотъ, отвергаетъ всякій авторитетъ церкви, старается поставить каждаго христіанина внѣ всякаго вліянія церкви вообще, убѣждаетъ каждаго христіанина въ дѣлѣ пониманія христіанской вѣры или въ жизни по христіанскимъ правиламъ нравственности руководиться единственно своимъ собственнымъ разумомъ, словомъ—хочетъ каждаго изъ насъ обратить въ протестанство. Но что такое протестанство? Обѣщая возвести на небо, оно низвергаетъ человѣка въ бездну. Его основное начало: «каждый слушайся только своего собственнаго разума при пониманіи истинъ христіанской вѣры и осуществленіи въ жизни ея правилъ», въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, проходя разныя ступени отрицанія - сначала всѣхъ догматовъ вѣры, превышающихъ наше ограниченное пониманіе, затѣмъ—всѣхъ сверхъестественныхъ событій священной исторіи, а потомъ—личнаго и самостоятельнаго существа Божества,—оканчиваетъ на вершинѣ своего развитія обоготвореніемъ лишь человѣка, или что тоже полнымъ атеизмомъ. «Если для католиковъ, говоритъ преосвященный Хрисаноъ, собственно личное сознаніе не имѣло никакого значенія въ дѣлѣ вѣры, то для протестанта оно имѣло авторитетъ безграничный... На мѣсто чистаго объективизма (въ католичествѣ), въ протестантизмѣ явился чистый субъективизмъ безграничный. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ онъ необходимо долженъ былъ обратиться въ абсолютизмъ личнаго мышленія, которое не

давало уже мѣста религіозному воззрѣнію и превращало богословіе въ философію, а христіанскую идею въ пантеизмъ или антропотеизмъ» (11 стр. Характ. прот—ва, вып. I). «Въ философіи развитіе протестантской идеи начинается съ Декарта и Спинозы и кончается только съ Фейербахомъ (ib. 19—20); въ богословіи каждая философская система порождаетъ рядъ такъ называемыхъ неологовъ, которые вносятъ философскія теоріи въ догматику и церковную исторію. Родоначальникъ ихъ—Землеръ, а особенно сильные подвижники на этомъ поприщѣ—Бауръ и Штраусъ. Новые богословы объявили, что нѣтъ тайнъ, непостижимыхъ для разума, нѣтъ сверхъестественныхъ явленій и т. п. (ib. 20 стр.). Явились даже попытки къ образованію новой свободной церкви: они начали свою проповѣдь рѣчью о томъ, что откровенія будто-бы нѣтъ и быть не можетъ, что христіанство есть слово о любви къ человѣчеству, и въ этомъ все его значеніе» (ib. 60 стр.). Къ этому же заключительному выводу протестантизма хочетъ привести своихъ послѣдователей и нашъ свѣтскій проповѣдникъ свободнаго внѣцерковнаго исповѣданія христіанской вѣры.

Нѣтъ, не за этими непризванными учителями и лжетолкователями христіанской вѣры мы должны идти, а за тѣми богопоставленными пастырями, которые *неизмѣнно вѣрны* въ своемъ ученіи *Божественному Откровенію*, сообщенному міру черезъ верховнаго Пастыреначальника нашей вѣры, Христа и Его апостоловъ, *пастырями православной* христіанской Церкви. Эта именно Церковь едина *святая, соборная и апостольская* и, какъ такая, безусловно-прямымъ и вѣрнымъ путемъ ведетъ христіанина въ обители Отца Небеснаго.

Повидимому, не въ пользу православія говоритъ то, что народы, принадлежащіе къ католической и протестантскимъ церквамъ, далеко опередили своимъ развитіемъ жизнь народовъ православной, греко-восточной церкви. Но не говоря уже о томъ, что Провидѣнію угодно было, по неисповѣдимымъ для насъ причинамъ, поставить народы церкви вос-

точной подъ такія тяжкія условія жизни, которыя естественно должны были задерживать ихъ нормальное духовное развитіе, главнымъ основаніемъ неравенства въ духовномъ развитіи народовъ восточной церкви по сравненію съ западными народами, принадлежащими къ церквамъ католической и протестантскимъ, служитъ глубокое различіе въ самыхъ коренныхъ началахъ развитія православныхъ народовъ, съ одной стороны, и инославныхъ западныхъ христіанъ, съ другой. Чѣмъ глубже по своимъ основамъ коренные источники жизни, чѣмъ полнѣе и содержательнѣе жизнь въ самомъ ея зернѣ, тѣмъ медленнѣе идетъ ея развитіе. Высшіе виды растеній и животныхъ, какъ извѣстно, развиваются медленнѣе, нежели низшіе; но зато и самая жизнь первыхъ раскрывается полнѣе и разнообразнѣе и продолжается долѣе, нежели у послѣднихъ. Все, что имѣетъ небогатый запасъ жизни и развитія, быстро расцвѣтаетъ и увядаетъ. Этотъ же законъ развитія вполнѣ примѣнимъ и къ христіанскимъ церквамъ. Глубочайшія божественныя основы христіанской жизни въ католической и протестантскихъ церквахъ засорены наносомъ человѣческихъ вымысловъ, и на этихъ, искаженныхъ человѣческимъ произволомъ, основоположеніяхъ церковной жизни быстро раскрывается все то, что только могло развиться или произойти изъ нихъ. Этотъ разцвѣтъ католичества и протестантизма на первый взглядъ насъ прельщаетъ; но онъ ограниченъ, быстролетенъ и теперь уже направляется къ увяданію. «Папство, говоритъ о прот. Иванцовъ, въ средніе вѣка задавалось идеей всемірной церковной монархіи, имѣло въ виду не столько осуществленіе высшихъ цѣлей своего духовнаго призванія, сколько блестящую историческую роль—временнаго преобладанія въ мірѣ. На служеніе этой исторической роли оно старалось обратить всѣ высшія стремленія западной религіозной жизни. Очень естественно, что эти стремленія, всячески возбуждаемыя искусственными средствами и направляемыя не столько къ внутреннему укрѣпленію и совершенствованію, сколько къ внѣшнему обнаруженію, дали *на время* пышный цвѣтъ,

блистательные плоды... Въ настоящее время отъ этого возбужденія остаются только слабые остатки и славныя воспоминанія» (192—3 стр. Римск. кат.). Безграничная свобода мысли въ протестантизмѣ заявила себя быстрымъ подъемомъ духа во всѣхъ сферахъ его проявленій; но этотъ подъемъ, отрѣшенный отъ своего единственно-надежнаго основанія—Божественнаго откровенія во всей его полнотѣ и неповрежденности, и покоющійся преимущественно на ограниченныхъ началахъ человѣческаго разума, скоро дошелъ до своей послѣдней точки, выше которой уже не идетъ. Въ настоящее время жизнь народовъ запада уже не повышается, а понижается; плоды образованности ихъ во многомъ отзываются горечью; и мысль и жизнь ихъ представляютъ болѣе мрака, чѣмъ свѣта.*) Сами народы запада разочаровываются въ добытыхъ ихъ историческимъ развитіемъ результатахъ; сами они недовольны порядками своей жизни, крѣпко покоющимися на лежащихъ подъ ними неправильныхъ основаніяхъ, и ищутъ и пока еще не находятъ выхода изъ своего тяжелаго положенія. Вотъ почему такъ называемый *пессимизмъ* состовляетъ въ наше время господствующее міровоззрѣніе настоящаго времени на западѣ. Въ православной церкви сверхъестественныя начала жизни, пребывая неизмѣнными и не закрываясь наслоеніями человѣческаго произвола, заключаютъ въ себѣ самихъ неисчерпаемый родникъ воды живой, необходимой для развитія естественныхъ силъ народовъ; но этотъ родникъ бьетъ

---

*) „Самый узкій эгоизмъ, самое крайнее своекорыстіе становится единственнымъ закономъ ихъ поведенія, безчеловѣчіе и жестокость ихъ убѣжденіемъ и правиломъ дѣйствованія. И не видимъ ли мы теперь въ жизни западно-европейскаго человѣчества уже явныхъ знаменій этого страннаго порядка жизни?.. Не замѣчаемъ ли мы тамъ уже такъ быстро и такъ страшно ширящееся господство безчеловѣчія, звѣрства, жестокости, заявляющихъ себя во всѣхъ этихъ революціяхъ, крамолахъ, стачкахъ, анархистическихъ злодѣйствахъ, безсмысленныхъ убійствахъ, бездымныхъ взрывахъ и т. д. и т. д.".?! (Царевск. ib).

живымъ ключемъ, действительно возвышаетъ жизнь народовъ, конечно, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ ихъ исторической жизни и до времени скрываетъ въ себѣ самомъ силы при задержкахъ народнаго развитія, поставляемыхъ внѣшними случайными причинами. Сила Православія обнаружила себя *поразительною производительностью ученія и законодательства* въ первые девять вѣковъ исторіи церкви, когда церковь на своихъ соборахъ опредѣленно изложила и основные догматы вѣры и главнѣйшія правила для церковнаго управленія съ такою правильностію и вѣрностію всему духу христіанской вѣры, что въ послѣдующія времена, несмотря на распаденіе церкви на различныя и даже враждебныя одна другой части, эти постановленія соборовъ признаются во всемъ христіанскомъ мірѣ неизмѣнными основами христіанства. Съ другой стороны, и въ самой гражданской жизни православныхъ народовъ, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ ихъ развитія, воздѣйствіе Православія на эту жизнь выражается въ самыхъ плодотворныхъ результатахъ. Примѣръ такого воздѣйствія представляетъ исторія русскаго народа. Развѣ не во многихъ отношеніяхъ правильнѣе, хотя быть можетъ и медленнѣе, идетъ постепенное развитіе жизни русскаго народа по сравненію съ западными народами? Развѣ замѣчаются у насъ такія ненормальности въ отношеніяхъ различныхъ классовъ народа другъ къ другу, какія находимъ на западѣ, такія бѣдствія, страданія среди блеска роскоши, такія вспышки ожесточенія и вражды низшихъ слоевъ народа противъ высшихъ среди, повидимому, свободнаго самоуправленія народовъ? Но никто не можетъ сказать, что православіе произнесло уже свое послѣднее слово, что Церковь Православная проявила или открыла уже *всю полноту* своего воздѣйствія на жизнь народовъ, больше которой уже нельзя ожидать отъ нея ничего. Кто можетъ сказать, что высшій органъ ея ученія и управленія—*Вселенскій соборъ*—уже изчезъ? Онъ всегда для нея есть и будетъ! Кто поставилъ границы ея животворной дѣятельности въ

міръ, замкнувъ эту дѣятельность въ постановленіяхъ лишь седьми вселенскихъ соборовъ? И по буквѣ и по духу ученія нашей церкви для нея всегда открыта *возможность* созванія *новыхъ* вселенскихъ соборовъ, слѣдовательно возможность непрестанно новыхъ и новыхъ воздѣйствій на нашу жизнь изъ неисчерпаемыхъ началъ христіанства.

Позволимъ себѣ заключить всю нашу рѣчь о Христіанствѣ, Церкви и Православіи въ высшей степени назидательнымъ и глубоко-прочувственнымъ обращеніемъ православныхъ патріарховъ къ чадамъ православной церкви: «вѣра наша, братіе, получила начало не отъ человѣкъ и не чрезъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа, которое проповѣдали апостолы, утвердили святые вселенскіе соборы, предали по преимуществу великіе и мудрые учители вселенскіе и запечатлѣли своею кровію святые мученики. Будемъ держаться исповѣдыванія, которое приняли чистымъ отъ толикихъ мужей, отвергая всякую новизну являющуюся по внушенію діавола... Оно, (древнее исповѣданіе) будучи, уже раскрыто и запечатлѣно, не допускаетъ ни убавленія, ни прибавленія, ни другого какого-либо измѣненія и дерзающій или сдѣлать, или совѣтовать «или замышлять сіе уже отвергся вѣры Христовой, уже подвергся добровольно вѣчной анаѳемѣ за хулу на Духа Святаго, какъ будто Онъ (Духъ Святый) глаголалъ не совершенно въ Писаніяхъ и на вселенскихъ соборахъ».

ТОГО ЖЕ АВТОРА ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

1) **Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія.** Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

2) **Религія вообще и Христіанство въ частности въ ихъ существѣ и главнѣйшихъ проявленіяхъ.** Ц. 30 коп. безъ перес.

3) **Великое воспитательное значеніе христіанской женщины.** (Рѣчь.). Ц. 15 коп. безъ перес.

2007043166